

Десницкий Андрей Сергеевич

В поисках смысла (сборник)

Андрей Десницкий

В поисках смысла (сборник)

«Десницкий Андрей Сергеевич»

2013

Десницкий А. С.

В поисках смысла (сборник) / А. С. Десницкий — «Десницкий Андрей Сергеевич», 2013

Сборник публицистики от Андрея Десницкого содержит семьдесят небольших статей на самые разные темы, от христианской веры до российской политики и общественной жизни. Публикации Десницкого хорошо знакомы тем, кто бывает на сайтах «Православие и мир», «Нескучный сад», «Фома», «Русский журнал» и т. д. Этот сборник можно считать продолжением его второго сборника, «Люди и фразы», вышедшего в издательстве «Никея».

© Десницкий А. С., 2013

© Десницкий Андрей Сергеевич, 2013

Содержание

От автора	6
Верую	7
1. В поисках смысла	7
2. Глас хлада тонка	10
3. Паяк или благодать?	12
4. Битвы за чужую святость	15
5. С двух сторон аналая	18
6. Парадоксы нашего поста	20
7. Пост в купальный сезон	23
8. Вопросы не о богослужебном языке	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Десницкий Андрей Сергеевич

В поисках смысла

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От автора

В этот сборник вошли семьдесят статей, которые публиковались в 2010–2012 годах в разных изданиях (в основном сетевых): «Православие и мир», «Нескучный сад», «Фома», «Русский журнал», «Татьянин день», а также на сайте храма Св. Иоанна на Пресне. Некоторые из них были отредактированы, поскольку книжная публикация всегда немного отличается от журнальной, даже если обе они – электронные.

Но самое главное, они были собраны вместе, и надеюсь, читатель согласится: собраны не случайным образом. Жанр этой книги – христианская публицистика. Говоря иным языком, это размышления на разные темы и по разным поводам, их объединяет стремление найти смысл, и найти его на пути христианской веры. Это не разговор об особенностях церковной жизни (как молиться и поститься), не проповедь и не богословский трактат, хотя в некоторых статьях будет немножко и от первого, и второго, и третьего. Но это прежде всего личные размышления. Читатель может согласиться с ними или нет, его право, если же он задумается над этими вопросами, если постарается найти свой собственный ответ на них – значит, уже не зря он эту книгу читал.

В книге пять разделов. Название первого «Верую», говорит само за себя. Но это не изложение догматов, не изъяснение богослужебных текстов, а разговор о православном христианстве здесь и сейчас: каким оно может быть, что дает оно нашим современникам и перед какими вопросами их ставит. Статьи второго раздела, «Наедине», говорят о личном, о чем-то таком, что обсуждают обычно двое или трое друзей, а третий раздел, «Планета людей», посвящен уже общественным проблемам – прежде всего, нынешней российской жизни. Четвертый раздел, «На площадях», мог бы стать его частью, но все же от выделен особо как слишком «горячий» и конкретный – туда вошли статьи, написанные зимой и ранней весной 2012 года во время выборов и всего, что за ними последовало. Наконец, пятый раздел, «Настоящее прошлое», содержит размышления о тех страницах истории (от библейской и до новейшей), которые остаются актуальными и сегодня. В то же время статей по библеистике (моей основной специальности) здесь нет, они вошли в состав другой книги, «Сорок вопросов о Библии».

Что еще сказать? Читайте на здоровье! А если захотите отправить отзыв, это можно сделать по адресу: a.desnitsky@gmail.com.

Верую

1. В поисках смысла

Был такой человек – Виктор Франкл. Он изучал психологию у самого Зигмунда Фрейда, практиковал как психоаналитик – а во время Второй мировой попал в нацистский концлагерь. Ему удалось выжить, и он написал об этом несколько книг. Самая известная из них называется «Человек в поисках смысла». В концлагере заключенные испытывали множество мучений, но самым страшным оказались не голод, побои, холод и унижения – а бессмысленность всего происходящего. Солдаты в окопах точно так же недоедали, мерзли, подчинялись жестокой и не всегда разумной дисциплине, наконец, умирали от ран – но они понимали, что такова цена победы над врагом. Заключенные страдали без какой-либо разумной цели, и бессмысленность становилось для них самой страшной пыткой.

«Человек не должен спрашивать, в чем смысл его жизни, но скорее должен осознать, что он сам и есть тот, к кому обращен вопрос» – такой вывод сделал сам Франкл из своих наблюдений. Иными словами, каждый человек сам решает, каким смыслом наполнить свою жизнь, никто не даст ему этот ответ в готовом виде.

Вне экстремальных обстоятельств желания большинства людей просты и понятны: обеспечить себе и своим близким безбедное существование. Питаться всё лучше, жить всё комфортнее, развлекаться всё изысканней... и нет предела этой гонке за комфортом и удовольствиями. Пусть мы сегодня живем намного лучше, чем жили наши предки сто или пятьдесят лет назад, зато нам намного хуже, чем некоторым соседям по планете! И даже мультимиллионер будет завидовать миллиардеру.

И в то же время среди людей всегда находились такие, кто бросал уютный дом и пускался в дальние и опасные странствия в поисках новых земель, или селился среди бедняков в далеких странах, чтобы облегчить их страдания, или уходил в бесплодную пустыню, чтобы наедине беседовать с Богом... Ради чего стоило бросить столь естественные для человека заботы? Люди открывали некий очень важный для себя смысл – и по сравнению с ним ничего уже не значили комфорт и достаток.

В советское время почти все жители нашей страны предавались вынужденному аскетизму, кроме самой верхушки. Продукты и вообще почти всё приходилось доставать по блату или выстаивать за этими товарами в очередях, а путешествовать по миру можно было только с разрешения парткома. И вот советский строй пал, и бывшие советские люди обнаружили, что «народное достояние» было моментально кем-то приватизировано, а им практически ничего не досталось. Дети падали на уроках в голодные обмороки, инженеры высшей квалификации торговали на базарах китайским ширпотребом... Людям, казалось, было не до высоких смыслов – нужно было элементарно выживать.

Но и тогда отчего-то множились не только ларьки с пивом и закуской, но и книжные издательства, народ шел не только на рынки, но и на проповеди о Боге. Люди массово принимали крещение. Прежние идолы рухнули, и надо было заботиться не только о пище и одежде, но и о новом смысле для новой жизни.

Впрочем, времена первоначального накопления капитала давно закончились. Конечно, в стране немало по-настоящему бедных людей, но жители больших городов уже в основном освоились с новыми условиями игры, приделались на сезонных распродажах, съездили отдохнуть к теплому морю, попробовали разных деликатесов... Молодые уже не понимают, как это можно было стоять в очереди за докторской колбасой, штопать носки, стирать полиэтиленовые пакеты.

А тоска и недоумение остаются. Почему вокруг все-таки столько равнодушия, жестокости, алчности и лицемерия – возмущаются люди. Почему на каждом шагу нас обманывают, нами манипулируют, почему мы не живем как на благополучном Западе? Вроде бы, всё есть в нашей стране: талантливые люди, богатая культура, чудесная природа, а в недрах – чуть ли не все возможные ископаемые. Чего не хватает нам?

Да и не только нам, если задуматься. Один из самых верных показателей того, насколько разочарованы бывают люди в жизни, насколько бессмысленной она кажется им – это статистика самоубийств на душу населения. Так вот, в верхней части этого списка – очень разные страны: бедные и богатые, диктатуры и демократии. Оказывается, не внешние обстоятельства определяют, насколько осмысленной видит человек собственную жизнь.

В библейской книге пророка Амоса есть такие слова: «Вот наступают дни, говорит Господь Бог, когда Я пошлю на землю голод, – не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних» (8:11). Именно эту жажду мы и ощущаем сейчас, когда материальный голод оказался, насколько это возможно, утолен. И оказалось, что жаждать слова можно настолько же сильно, как воды в жаркий день... Кстати, «слово» на греческом языке звучит как «Логос», именно этим понятием открывается Евангелие от Иоанна: «В начале был Логос». И точно так же обозначали греки смысл. «Человек в поисках Логоса» – так можно было бы перевести название книги Франкла.

Человеку свойственно придумывать логические объяснения всему, что с ним происходит. На этом основан и т. н. «Стокгольмский синдром»: люди, взятые террористами в заложники, с течением времени начинают оправдывать действия террористов, отождествлять себя с ними. Им невыносимо думать, что они для террористов – только средство, расходный материал. Они склонны будут согласиться, что террористы преследуют высокие цели, а сами они – помощники этих борцов за истину, вот такой смысл они придумывают для своих страданий. Только от этого они, конечно, не перестают быть пешками в игре террористов.

С точки зрения Библии, весь наш мир взят в заложники террористами, их глава так и называется в Библии: «князь мира сего», то есть тот, кто распоряжается в этом мире, не имея на это настоящих прав. И люди склонны находить свое уютное место в этом мире, и даже придумывать разумные объяснения нынешнему террористическому порядку: у нас то-то и то-то плохо, потому что нам мешают такие-то враги, потому что у нас несчастливая судьба, потому что обстоятельства наши так неблагоприятно сложились... А стоит убрать все эти помехи – вот тут-то мы и заживем счастливо и благополучно!

Только подлинный смысл событий лишь затуманивается такими объяснениями. Библейский взгляд на вещи предполагает, что в начале всего действительно был смысл, точнее – замысел Божий об этом мире, и значит, о каждом из нас. Его не так просто разгадать, как кроссворд, или решить, как математическую задачу. Скорее, человек распознает его в своей жизни, прислушиваясь к совести, разуму и чувствам и руководствуясь Словом Божиим, и на этом пути его могут ждать удивительные открытия – именно такие открытия и заставляют его порой бросить комфорт и резко переменить свой быт, чтобы последовать за открывшимся Смыслом Всей Жизни.

Каким он будет, зависит, в конечном счете, от каждого из нас. Для кого-то он состоит в том, чтобы испытать как можно больше наслаждений и накопить как можно больше богатств, но такой материалистический подход выглядит достаточно отталкивающе. Кто-то ставит во главу своей жизни служение высоким идеалам: например, искусству или науке, или политическому преобразованию общества, – но зачастую оказывается так, что за этими высокими желаниями тоже стоит жажда приобретений: всемирной славы, власти над людьми, изысканных интеллектуальных наслаждений. Кто-то служит другим людям, например, больным, или бедным, или даже просто членам своей семьи, и это прекрасно... если только в конце жизни

человек не приходит к выводу, что своей-то жизни у него как раз и не было, если не разочаровывается он в своем служении.

«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам», говорит Христос (от Матфея 6:33). Какой неконкретный призыв! Понятно, как искать славы или денег – а вот как искать Царства и правды? О чем это Он? Мне кажется, здесь он призывает нас как раз к поискам великого, подлинного Смысла нашей жизни. Остальное: достаток, комфорт, разумное общественное устройство – приложится само собой, то есть либо возникнет, либо... мы научимся без всего этого обходиться и не страдать. И этот главный смысл жизни может быть у каждого свой, его нельзя описать никакой универсальной формулой. «В доме Отца Моего обителей много», говорит Христос в другом месте (от Иоанна 14:2).

На что похоже это Царство, в каком смысле Бог – наш Отец, как можно искать Его правды – об этом можно было бы говорить много, но всё равно не скажешь лучше, чем в Евангелии. Но мы можем быть уверены: если Бог – наш Отец, то смысл есть во всём, что происходит с нами, даже в страданиях, и он однажды откроется нам, если мы этого по-настоящему захотим.

2. Глас хлада тонка

Есть в Библии один красивый образ, который нечасто вспоминают – он теряется за другими образами, куда более звучными и красочными. Илия, великий пророк, в тяжелое для себя время, когда израильтяне преследовали его и поклонялись идолам, попросил Господа, чтобы Тот Сам явился ему. Ответ ему был дан такой: «выйди и стань на горе пред лицом Господним, и вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, и там Господь». По-славянски заключительные слова звучат еще ярче и загадочней: «Глас хлада тонка и тамо Господь» (3 Цар 19:11–12).

Илия весь был – пламя и буря. Он обличал царя и истреблял языческих пророков, низводил огонь с неба и сам был вознесен на небо в огненной колеснице. Не случайно именно о нем говорили наши предки, заслышав грозу: это пророк Илия катит по небу. Именно такому пророку Господь и показывает самым наглядным образом, что Он входит в человеческую жизнь не в вихре, не в землетрясении, не в пламени, а в чем-то настолько тихом и неприметном, что даже перевести это выражение на любой современный язык очень трудно. Как же так, можно возразить и удивиться, ведь Закон на горе Синай был дарован народу как раз в землетрясении, и не раз сведенное с неба пламя подтверждало, что Господь есть Бог (и по молитвам Илии в том числе), и даже Иову ответил Господь из бури. Всё это так.

Но сам Ветхий Завет – он скорее про другое: про то, как Господь избрал неприметный и ничем не знаменитый народ. У египтян были великие пирамиды, у вавилонян – каналы, шумеры изобрели первую письменность, а финикийцы – первый алфавит. Все эти народы создали великие и славные государства, могучую культуру, распространили свое влияние по окрестным странам... а вот древним евреям нечем было хвалиться, кроме Бога. Как особую честь для Соломона, самого и знатного и богатого царя Израиля, упоминает Библия, что за него выдал свою дочь сам египетский фараон! Когда читаешь это, понимаешь, кем выглядели евреи на древнем Ближнем Востоке. Даже своим заклятым врагам филистимлянам, и тем уступали они в культурном развитии: позже них научились обрабатывать железо.

И так Господь напоминал им, что назначение избранного народа в этом мире – не в славе и силе, не в государственном величии и не в культурном и технологическом превосходстве, а в чем-то совсем другом. То же самое касается и Нового Израиля, Церкви. Ведь всё самое главное, что мы находим в Новом Завете, дается не в буре и пламени, а именно что «в гласе хлада тонка». Рождение Младенца в вертепе, беседы с рыбаками на берегу озера, Вечеря с учениками в горнице частного дома – разве сравнится всё это с царскими праздниками Ирода, с великолепием храмовых обрядов, с мощью римского войска и многоученостью книжников и фарисеев? Но не во всем этом явился Господь.

Сегодня, как и во времена Илии, как и во времена Христа, внешний, языческий или атеистический мир поражает многим, но прежде всего, своим блеском и шумом. Включаешь телевизор, открываешь новостной сайт в интернете – на тебя обрушиваются и вихри, и землетрясения, и пламень. Не слишком добросовестные журналисты сознательно стараются дать каждой новости наиболее хлесткий заголовок или анонс, и желательно с негативом. Если подать маленький скандалчик как глобальную катастрофу, читателя такой заголовок зацепит, он щелкнет по ссылке, прислушается на секунду к бубнежке теледиктора – пусть даже суть события его разочарует, но на минутку-другую его внимание будет привлечено, а значит, цель достигнута.

Еще в большей степени это касается рекламы. Сегодня на человека обрушивается такой поток информации, что до него можно только докричаться. Некогда ему объяснять, чем хорош именно этот товар, нужно пощекотать его нервы, задеть в нем самые чувствительные струнки

(например, тщеславие или сексуальный голод), любой ценой его «зацепить». А поскольку зацепок таких всё больше и больше, приходится придумывать всё новые, всё более изощренные и сильнодействующие. Так компания подогретых пивом подростков кричит всё громче, размахивает руками всё шире – каждому надо перекричать остальных. Скажи один из них любую, пусть даже самую важную вещь спокойным, ровным голосом – его никто просто не услышит. Проходит время, они привыкают – и то, что нельзя прокричать, они уже не могут выразить; что превосходит сложностью и глубиной рекламный ролик или музыкальный клип – то неспособны воспринять. «Ну это... я, типа, такая... а он вообще, короче, такой...»

Что с такими делать – отдельная тема, да и нет у меня единого ответа. Но одно могу сказать точно: этому вихрю бессмыслиц нельзя подражать, с этим мозготрясением нельзя соревноваться. Всё равно проиграешь, а если вдруг даже выиграешь, сам тому не обрадуешься.

Но христианские СМИ, христианские блоги да и просто частные разговоры христиан тоже нередко вовлекаются в похожий круговорот. Говорить вполголоса значит не быть услышанным, и потому выбираются самые скандальные темы, приводятся самые жареные факты, даются самые резкие оценки. Ничего, если потом не всё сказанное окажется уместным – по крайней мере, внимание привлечь удалось. А если сама тема разговора очень важна, то, пожалуй, можно и пренебречь побочными эффектами, главное, чтобы люди слышали. Разве не так?

Нет, не так. Даже если не вспоминать о таких понятиях, как пустословие или осуждение (а их границы в крике пересекаются легко и незаметно), такое поведение оказывается просто нерациональным. Перекричать рекламистов и «новостников», равно как и подростков с пивасиком, нам все равно не удастся. С тем же успехом мог бы Моисей взяться за строительство пирамид повыше фараоновых, или апостолы – за сооружение храма пышнее иеродова. Если мы сегодня закричали, чтобы нас слышали, то завтра придется кричать еще громче, и послезавтра, и так до бесконечности. Мы втягиваемся в соревнование, которое обречены проиграть.

Есть такое понятие, как «экологичность решения». Порой то или иное решение проблемы оказывается самым выгодным и действенным в ближайшей перспективе, но оно наносит существенный и длительный вред всей ситуации в целом. Например, построили нефтяную вышку, получили прибыль, но на десятилетия загубили окрестную природу. Или другой пример, из лета 2010 года: засыпали пожарный пруд и пустили его под застройку, не обновляли пожарную технику и даже рынду сдали в металлолом – а через несколько лет оказались совершенно незащитными перед пожаром. Чтобы избегать таких решений, не нужна какая-то особая мудрость, достаточно обычного опыта и здравомыслия. И сдается мне, что там, где о Боге начинают кричать, где Евангелие проповедуют путем скандала – там принимают крайне неэкологичные решения, пусть даже и для очень насущных проблем.

Но даже не это главное. Наш мир, оглушенный криком, ослепленный фальшивым блеском, все-таки вспоминает иногда: да ведь было же и еще нечто важное, полузабытое, давнее, детское... И мы, может быть, сумеем ему об этом напомнить словами древней нашей Книги: веяние тихого ветра, глас хлада тонка – и там Господь.

3. Паяк или благодать?

Рассказывали историю про одну пожилую жительницу Северной Кореи, которая лет пятнадцать назад бежала из коммунистического лагеря и поведала о своих ожиданиях от свободного мира: «США такая богатая страна, что там даже младенцам дают по 800 гр. чистого риса в день!» Государство должно раздавать пайки, чтобы его граждане не умерли с голоду, и в богатом государстве ей будут выдавать пайки побольше, причем чистым рисом, а не ячменем или кукурузой, как давали дома. Ей и в голову не пришла мысль о том, что в этом самом свободном мире пайки выдают только солдатам и заключенным, а все остальные люди зарабатывают деньги, идут с ними в магазин и покупают сами, что пожелают.

Даже теперь, когда в Северной Корее возникло нелегальное частное предпринимательство, работникам таких предприятий тоже выдают... продуктовые пайки. Хозяин отправляет своего помощника на рынок купить там мешок риса, а потом раздает его своим сотрудникам. Проще, конечно, было бы заплатить им деньгами, как во всем остальном мире, но тогда они бы почувствовали себя обделенными: у соседей есть пайки, а у них нет!

Но пайковое сознание не уходит само собой при перемене общественного строя, и когда мы входили в свободный рынок, оно нас оставило не сразу. Рынок, свободу и демократию нам тоже должны были дать откуда-то сверху, по определенной мерке. В принципе, так оно и вышло: раздали всем ваучеры, люди понесли их во всякие фонды... Недавно нам по почте пришло письмо от акционерной компании. Предлагалось проголосовать за решения: выплатить совету директоров вознаграждение в размере более 21 миллиона рублей, а акционерам дивиденды. На одну акцию пришлось, я цитирую, 0,000046791 рубля. Такой вот паяк установили владельцы контрольного пакета, и всё строго по закону. Да и с демократией у нас получилось примерно то же самое.

И даже наши самые великие демократы до сих пор нередко мыслят по-пайковому. Как было при Советах? Сдал двадцать кг макулатуры – получи талон на роман Дюма, выдал на гора тонну угля сверх плана – вот тебе путевка в санаторий. И, по мнению В.И. Новодворской, в Евросоюз тоже путевки не просто так дают, надо сдать кого-нибудь в обмен. Сербь вот молодцы, сдали Младича... Это только в Гааге уверены, что суд будет устанавливать его причастность к военным преступлениям, для демократов пайкового образца всё намного проще, всё по-большевицки: враги народа осуждены по определению, надо сдать их куда положено в обмен на путевку в светлое будущее.

Но не будем больше о политике. Как живет человек с пайковым сознанием? Это очень хорошо видно по опыту коммуналок, да и многоквартирных домов. Отношения с соседями он будет выстраивать при помощи графиков уборки общественных мест, взносов на подъездные нужды, а если возникнет спорная ситуация, ни за что не решится напрямую побеседовать, предложить какой-то компромисс. Нет, он будет писать жалобы вплоть до ООН, требуя, чтобы начальство пришло и восстановило попорченную справедливость. Ему достался паяк слишком маленький, а соседу – слишком большой, и это вовсе не повод добровольно поделиться. Следует требовать централизованного перераспределения благ, и мы видим это на множестве примеров, от территории лестничной площадки и до нефтегазовых компаний.

Но вырастает новое поколение, которое привыкло не получать, а зарабатывать. И тот, кто вложил в акции не какой-то бессмысленный ваучер, а собственные трудовые накопления, наверное, проследит, куда пошли его деньги и почему они не приносят ему дохода. И тот, кто полжизни выплачивает ипотеку за купленную квартиру, иначе строит отношения с соседями, и тот, кто работает на благо своей страны и своих детей, ждет от государства не якобы положенной ему путевки в Евросоюз, а понятных, справедливых и общих правил игры. Именно таких правил, на основе которых и строился сам Евросоюз, безо всяких путевок от месткома. И я

глубоко убежден, что в России мы справимся с коррупцией и чиновным произволом тогда и только тогда, когда простые люди отвыкнут от взгляда на чиновника как на Великого Распределителя, который раздает всем пайки, и надо *подсуетиться* (какое замечательное советское слово!), чтобы получить 800 гр. чистого риса, а не полкило кукурузы.

Казалось бы, в Церкви не место пайковому сознанию. Христиане верят, что всё получают свыше, благодарят за каждый час своей жизни, за каждый кусок хлеба и за каждую улыбку ребенка. Но это не паек, мы называем это совсем другим словом – *благодать*. Нам ничего не «положено», но нам даётся всё, что нам действительно нужно, и гораздо более того, «ибо не мерою дает Бог Духа» (от Иоанна 3:34) и «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Коринфянам 2:9). Бери, сколько хочешь и можешь взять – только действительно бери.

Всё так и бывает, или должно быть в Церкви, только в Церкви у нас – те же бывшие советские люди, других нет и неоткуда взять. Им трудно без пайка, как той северокорейской крестьянке. Пусть «паек Духа» будет очень-очень большим, и весь из чистого риса, но пусть это всё-таки будет паек, который будут давать, кому положено. Вычитал молитвы по книге, пропостился определенное количество дней – вот тебе Причастие. Отстоял сколько надо на службе, сделал земные поклоны – вот тебе и праздник с разговением. Произнес положенный набор фраз про «простите-благословите», про «смирение-послушание», передал свечку правильной рукой к правильной иконе – вот тебе и почет и уважение окружающих, почетная грамотка «за успехи в воцерковлении».

Я не о том, как меня могут понять, что внешние формы надо немедленно отменить, вовсе нет. Я о том, что их не надо путать с благодатью. Она на то и благодать, что дается даром, просто так, по любви – как и мы детей кормим, поим, и балуем даже не за хорошие отметки, а просто потому, что любим. И все же мы повторяем по-писаному «не обрящеши бо дел отнюд оправдающих мя», но добавляем от себя: зато я вычитал каноны и отбил поклоны. И даже дело не в том, что человека не пустит без этого в Царствие Небесное строгий батюшка или кто-нибудь еще, человек сам себя не пускает. Ведь если это паёк, то надо отработать, надо попасть в какой-нибудь правильный список – а если вот просто так схватить его и убежать, то догонят, отберут и побьют. Не за то побьют, что нарушил волю Отца, а за то, что взял, чего не положено. А вон кто-то берет, кстати... Эй, ты постился, молился, сколько у тебя канон-поклонов? А ну, положь на место! Не положено.

Это многое объясняет в нынешних спорах об очевидных несовершенствах церковной жизни. Для одних важно освободиться от пайковой логики, для других – добиться правильного распределения правильных пайков. Какую оппозицию встречает вопрос, например, о [самой осторожной редакции богослужебных текстов](#) (а о русском богослужении и упомянуть страшно): как, теперь вместо моего любимого риса будут гречку давать? И ответ, что насильно никому ничего давать не будут, что просто предлагается некая новая возможность, отмечается сходу. Либо всем рис, либо всем гречку, и если *лично я* люблю рис, значит, гречка *никому* не нужна, и кричать нужно об этом как можно громче, не то рис отнимут.

Но времена меняются. Еще десять лет назад в Церковь приходили в основном люди, уставшие от бурных девяностых, они хотели понятных гарантий. Потом одни из них разочаровывались и в своих пайках, начинали обличать церковные структуры за их неправильное распределение – а другие с неменьшим пылом объясняли, что как раз всё правильно, ровно 800 гр. отборного риса. Но сегодня всё большую роль начинает играть новое поколение, которое ценит самостоятельность, а в церковной жизни видит не столько свод правил, сколько набор возможностей. Как это прекрасно, поститься и молиться! Не потому, что так добывается допуск к причастию, а потому, что это правильно, хорошо и полезно. Но тогда уж, добавляют они, без шаблонов, каждому по его возможностям и силам.

Мы зачастую пугаемся этой самостоятельности и свободы, да в ней и в самом деле есть, чего пугаться: так можно скатиться к полной неразборчивости и индивидуализму, выстраивая духовную жизнь на потребительский лад: «мне это по вкусу, а вон то нет». Но надо понимать, что пайковое сознание никак не привлекает человека, взыскующего подлинной благодати, пусть даже он еще так мало знает о ней. Что же предложить ему, как говорить с ним – вот, на мой взгляд, один из главных вопросов сегодняшней миссии, да и нашей внутренней церковной жизни, если разобраться.

4. Битвы за чужую святость

С самого начала христианская Церковь была Церковью мучеников. Проповедники других религий и философий могли показывать чудеса аскетизма (как индийские йоги) или углубляться в мистические тайны (как египетские жрецы), они могли быть превосходными ораторами (как древние греки) или могучими завоевателями (как последователи Мухаммеда). Но для христиан не это было главным. Еще от Ветхого Завета, от самого жертвоприношения Исаака, приняли они другое: тот, кто поверил, должен оставаться верным до конца, даже до смерти, и это будет лучшим свидетельством о Том, Кому он верен. Ведь именно такую верность Отцу проявил на кресте и сам Христос.

Поэтому первым и наивысшим среди всех видов святости у первых христиан было мученичество: кем бы ни был человек, проявивший такую верность до смерти, он сразу почитался как святой. Мы знаем, что среди мучеников первых веков даже не все были крещены: случилось и так, что один из мучителей (например, воин, охранявший место казни) добровольно присоединялся к мученикам, пораженный величием их подвига. Такого человека Церковь тоже сразу начинала почитать как святого, не смотря на то, что в своей жизни он вообще не был христианином и наверняка совершил множество грехов, в которых просто не успел покаяться, а о добродетелях его нам ничего не известно. Собственно, его шаг вперед к страшной смерти и был отречением от всей его прежней жизни со всеми ее пороками, он был и покаянием, и крещением, и постом, и молитвой одновременно.

Но это самый яркий и понятный случай. В наше время человеку редко предлагают такой выбор: отрекись от Христа и принеси жертву идолу, или умри. Идолы нашего времени требуют жертв не так прямолинейно, а отречение разбивается на множество мелких шажков, и трудно бывает отделить разумный компромисс от начала настоящего падения, и, наоборот, здравую принципиальность – от узколобого фанатизма... А главное, если сегодня убивают человека, свидетельствовавшего о Христе, трудно бывает сказать наверняка, за что его убили. Может, по ошибке, а может, из ревности или мести? Такие убийства или остаются нераскрытыми, или вдруг оказываются случайными: дескать, убийца был сумасшедшим, или он принял свою жертву за кого-то другого. Слишком многим станет неудобно, если окажется, что это действительно хладнокровно рассчитанное убийство за проповедь Христа.

Только сумасшедшим не удастся так хорошо все исполнить и скрыться с места преступления, не оставив улики. Не раскрыты двадцатилетней давности убийство о. Александра Меня и совсем недавнее – о. Даниила Сысоева. Между ними были и другие, но я не случайно поставил здесь рядом эти два имени. Оба были известными проповедниками, обоим не раз угрожали, обоих убили в храме или по дороге в храм – и обоим, судя по всему, не делали формальных предложений принести жертву идолу. Но и без того было понятно, что не принесут. Это мученичество или нет? А как посмотреть...

И люди смотрят. Но эти два священника, столь похоже закончившие свой земной путь, при жизни были очень разными. Их объединяла Церковь, но если мыслить в земных, политических категориях, они были на разных «флангах» церковной жизни. Один отличался широкой взглядов и склонностью к компромиссу, за что иные его считали еретиком и отступником, другой, напротив, настаивал на исключительной правоте собственного вероучения, за что не раз бывал назван узколобым фанатиком. О. Даниил и сам отзывался об о. Александре крайне нелестно.

И вот сегодня заходит разговор о канонизации одного и другого, уже существуют иконы, возносятся молитвы, пока еще сугубо личные, но оттого не менее горячие... Это, в общем-то, нормально, так всегда и начиналось почитание святых. А в остальном, говоря словами раввина Гамалиила (кстати, канонизированного святого!), «отстаньте от людей сих и оставьте их; ибо

если это предприятие и это дело – от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его» (Деян 5:38–39).

Но вопрос зачастую ставится так: вот именно «нашего» батюшку надо канонизировать, потому что он, в отличие от «вашего», и жил правильно, был настоящим христианином. Именно так и говорят порой с обеих сторон. Но ведь это просто нелепо! Оба они умерли не просто в мире с Церковью, но как деятельные ее служители. Оба, очевидно, не были безгрешными и безошибочными людьми, как и каждый из нас, но если смерть была мученической, она смыла все грехи, прояснила все ошибки. Я почему-то уверен, что сейчас (если слово «сейчас» тут подходит) о. Александр и о. Даниил свободно могут беседовать друг с другом. Наверняка о чем-то спорят, порой даже и горячо, но общий язык, не сомневаюсь, у них есть.

Но он есть не у всех их последователей, увы. Сам я, как знает всякий, кто хотя бы немного со мной знаком, считаю одним из главных своих учителей о. Александра (хотя при его жизни мы не встречались) и во многих оценках резко расхожусь с о. Даниилом. Но это мое личное восприятие, пристрастное и неполное. И оно не должно закрывать мне глаза на тот факт, что оба они, судя по всему – мученики за Христа. Если мы, конечно, готовы принять это и не подыскивать более «простых» объяснений вроде сумасшедшего с топором или пистолетом...

А еще я уверен, что многие из мучеников первых веков были странными, неприятными людьми с нелепыми взглядами, мы много бы спорили с ними при их жизни, а то и вовсе отказались бы разговаривать. Но смерть за Христа всему подвела черту, теперь остается только поминать и молиться... или не молиться, если нет готовности и желания, ведь в святцах имен много, и далеко не каждое мы поминаем лично.

И еще стоит задуматься о том, что такое мученичество и святость для нас, не достигших этой меры. Для кого-то чужая мученическая смерть – доказательство собственной правоты. Дескать, я разделяю взгляды убитого, а он святой, значит, и я во всем прав. При таком подходе, конечно, святость человека с другими взглядами – вещь исключительно неудобная, от нее следует защищаться руками и ногами. Но есть ведь и более здравый подход: все люди, в том числе и святые, во многом ошибаются, их правота всегда частична и неполна. Мученичество есть акт беспредельного доверия абсолютной Истине, и мы канонизируем именно эту верность, а вовсе не частичную правоту, которая была у них при жизни.

Собственно, примерно то же самое можно сказать о любом случае сомнительной канонизации, например, той, которая сопровождается языческими по сути обрядами поедания земли с могилы святого и всевозможными сказочными рассказами о его жизни. Жаль, что у нас довольно мало говорится о самой сути новых канонизаций, и церковный народ, по сути, остается наедине с именем прославленного святого и начинает почитать его, что называется, кто во что горазд. На самом деле канонизируется, то есть провозглашается своего рода образцом, отнюдь не всё в жизни человека, и уж тем более не все существующие формы его почитания. Церковь свидетельствует: и этот путь можем привести человека к Богу, причем в случае мученичества это особенно очевидно. Что называется, происходит это прямо на наших глазах.

Но если такой путь тоже приводит к Богу, это еще не значит, что приводит к Нему только такой путь и никакой иной, или что все мы должны немедленно ступить ровно на этот путь. В конце концов, у людей разные характеры, не говоря уже про семью, образование, профессию, род деятельности. Одному свойственна горячность и прямолинейность, другому – рассудительность и неторопливость, и так далее. Среди святых мы встретим всяких людей, потому что Царствие не закрыто ни для кого.

Банальности? Да. Но о них приходится напоминать, когда видишь словесную битву за чужую святость, а в особенности – против нее. Сражаться за святость нам всем необходимо, но полем битвы тут может стать только наше собственное сердце, собственная жизнь. И мученическая смерть за Христа, в конце концов – самое достоверное свидетельство, что в этой битве

одержана окончательная победа. Собственная мученическая смерть, если Господь тебя сподобит и сам ты решишься – но никак не чужая.

5. С двух сторон аналая

В советские времена (я еще их застал) Церковь по Конституции имела право «отправлять религиозные обряды», и только. Это атеизм можно было пропагандировать и распространять, религию – ни в коем случае. И потому легальных способов поговорить с людьми о Боге у священника было ровно два: проповедь и исповедь. Домашние чаепития, конечно, тоже имели место, но на них всех не пригласишь, да и то могли пришить какую-нибудь «антисоветскую агитацию». Впрочем, и проповеди внимательно выслушивались, кем надо, и при необходимости куда надо о них доносилось. Напомню, что Библий или молитвословов не было в свободной продаже, да и в библиотеках они были в спецхране (помню, как студенты МГУ порой специально выбирали такие темы дипломов и курсовых, чтобы получить допуск к Библии!)

Оставалась исповедь. Она была не просто таинством отпущения грехов и примирения с Церковью, но и возможностью свободного разговора о Боге и человеке. Именно там мирянин мог задать важнейший вопрос, а священник – сказать ему то, что он не посмел бы произнести перед всеми. И такой разговор не мог состояться практически нигде, кроме как у аналая.

Времена изменились, но Церковь – очень консервативный институт, поэтому практика исповеди меняется медленно и далеко не везде. И вот с одной стороны аналая – прошедший определенную выучку священник, который не знает, как можно по-другому, и боится что-то в привычном ритуале изменить: а вдруг тогда разрушится всё? А кроме того, он – ведь так положено, так написано! – зачастую старается быть не «точию свидетелем», как сам говорит исповедующемуся, но обязательно духовным отцом, руководителем и наставником. В том числе и для человека, о котором он практически ничего, кроме перечисленного списка грехов, не знает, который его об этом наставничестве не просит. А в худшем случае священник отчего-то уверен, что, надевая епитрахиль, он слагает с себя человеческие немощи и страсти, а потому его рекомендации абсолютны, его оценки не подлежат сомнению, а его власть «вязать и решить» должна пониматься чуть ли не в полицейском смысле.

А с другой стороны аналая – зачастую человек, который именно этого и ждет. Один из героев Н.С. Лескова, «Несмертельный Голован», приходя на исповедь, говорил священнику: «Посрамите меня, батюшка, что-то себе очень не нравлюсь». Сюда можно добавить: посоветуйте мне, объясните мне, поддержите меня, поучите, утешьте, пожалейте... да просто выслушайте и поговорите со мной! Стоит ли уточнять, что всё это не имеет прямого отношения к основному смыслу исповеди? Но объявить это лишним тоже никак не получится. Если в Церкви человек не находит поддержки и утешения, то зачем ему такая Церковь? И Церковь ли это вообще? В конце концов, о Боге можно и в книжке прочесть, помолиться можно и дома, крестный ход – его по телевизору куда удобнее смотреть, чем вживую.

Только ведь на самом деле совет или утешение не обязательно получать от священника – чтобы его преподать, не требуется ни рукоположение, ни епитрахиль. Более того, если священник совсем молод, или характер у него непростой, или просто он слишком занят, то он явно не лучший кандидат в советчики или утешители. Наверняка в любом приходе найдется человек, готовый выслушать и поговорить. Но вот когда ты приходишь в храм... к кому подойти, кого попросить, с кем поговорить по душам – это очень большой вопрос. А тут стоит у аналая настоящий, живой батюшка, который вроде как «принимает население по личным вопросам». Называется это «исповедь». Вот как удобно!

Но люди бывают разных типов. Кому-то очень важна вот эта психологическая составляющая, а кому-то, напротив, не хочется ощущать себя маленьким ребенком, которого то ругают, то жалеют, называя этот подход «духовничеством». И такой человек может отойти от исповеди, а заодно и от Церкви, всерьез и надолго просто потому, что опыт исповеди оказался ему слишком травматичным. Таких примеров есть немало. Да, в грехах каяться всегда непри-

ятно, куда приятнее бывает хвалиться достижениями – но этот стыд человек все же преодолел, раз к аналою подошел. Значит, что-то не сложилось у него в беседе с самим священником, не удалось вписаться в предлагаемую схему. Но может быть, тогда надо разнообразить эту самую схему, если прежняя становится для кого-то неудобноносимым бременем?

И дело тут далеко не только в частоте, обязательности и т. д. Это всё детали технические, это выяснится по ходу дела, если разобраться с самой сутью. Дело скорее в настрое: чего ждут не только от Бога, но и друг от друга два человека, стоящих у аналая: один в епитрахили, другой со склоненной головой? Ощущают ли они, что их не двое, что есть между ними Христос, и есть церковная община, к которой они принадлежат, которой они небезразличны? И если да, то она могла бы немного их разгрузить: предложить какие-то другие формы внутриприходского общения, не связанные с таинством покаяния. Уже давно не советские годы, можно собираться, обсуждать что-то, делиться горестями и радостями, друг другу помогать... Слишком редко нам это удается.

Я с некоторым смущением читаю рассказы (в основном, женские) о «поездках к старцу». Вот, собралась христианка в дорогу, доехала до места назначения, выстояла службу, среди толпы дождалась старца, он вышел, что-то ей важное сказал, и она, окрыленная, уехала. Всё, вроде бы, хорошо... только что же тут христианского, где же тут Церковь? Если бы она ездила не к схимонаху, а к ламе, мулле, раввину, да хоть шаману – рассказ бы не сильно отличался, только названия у обрядов и святых мест были бы другими. Поехала к некоему святому и мудрому человеку за ответом на свой личный вопрос – и получила его. И лично ей достаточно.

Я бывал только у одного человека, которого могу назвать старцем – у о. Виктора (Мамонтова) в Карсаве, в Латвии. Приводя этот пример, я понимаю, что о. Виктор – человек совершенно особенный, и нельзя ждать, чтобы все священники уподобились ему, как нельзя от всех поэтов потребовать, чтобы они сравнивались с Пушкиным. Но один очень важный урок, мне кажется, мы все можем извлечь... Впрочем, судите сами. Летом к нему приезжали многие, но что поражало с первой минуты – он не спешил с индивидуальными беседами и ответами. Люди собирались вокруг него – но там они и встречались друг с другом. Начинали вместе молиться, общаться... На утрени вдруг звали новоприехавшего на клирос и давали читать каноны, показывая пальцем по книге, откуда и докуда, и даже проповедовал на литургии не только батюшка, но и миряне. После службы люди могли собраться на беседу и говорили, говорили, а зачастую и спорили друг с другом – о. Виктор молчал, вовсе не торопился, как многие священники, немедленно подвести все итоги и расставить все оценки. Говорил только в самом конце, совсем кратко и немного...

Это были очень простые и домашние слова, а не какие-то великие духовные истины, которых от него ждали многие, в том числе и я. Но истина заключалась в другом: мы, пришедшие к нему одному, встречались не только с ним, но и друг с другом. Мы начинали слышать и слушать друг друга. Мы, в конце концов, получали ответы на те вопросы, с которыми приезжали – или вдруг понимали, что вопросы эти не так уж и важны. Но в любом случае это происходило не в какой-то особо торжественный момент у аналая, а просто в ходе нашей жизни. Это действительно была жизнь в Церкви...

А исповедь – да, была и исповедь, долгая, подробная, внимательная. Но это была просто исповедь, не более и не менее того, и тем она и была прекрасна.

6. Парадоксы нашего поста

«Обед весь постный-постный! На перво жиденка овсянка с луком, грибовница с крупой, лукава похлебка. На второе: грузди жарены, брюква печеная, солоники – сочни-сгибни с солью, каша с морковью и шесть других разных каш с разным вареньем и три киселя: кисель квасной, кисель гороховой, кисель малиновой... А время идет да идет. За послеобеденным кипятком с клюквой да с пастилой и паузне черед пришел. Вздохнула купчиха, да ничего не поделать – постничать надо! Поела гороху моченого с хреном, брусники с толокном, брюквы пареной, тюри мучной, мочеными яблоками с мелкими грушами в квасу заела. Ежели неблагочестивому человеку, то эдакого поста не выдержать – лопнет».

Так писатель С. Писахов [описывал пост](#) некоей купчихи. Мы, конечно, эту карикатурную купчиху разгромно обличим: скажем, что пост заключается не только в перемене блюд, но и в сокращении их количества. И что кулинарные изыски тут неуместны. И вообще, дело не в груздях и брюкве, а надо накормить голодного и самому не есть человек. И главное тут настрой духа, а не пища, и...

И всё равно каждый год во всех православных СМИ подробнейшим образом после всех этих правильных слов обсуждается постное меню, и поминается монастырский устав, и отдельно разъясняется, что не надо всем подряд ему следовать. Разговор у посте все равно у православных сводится к бесконечному перебору «это себе позволю» и «от этого воздержусь», прежде всего в отношении пищи, хотя, конечно, речь заходит и о развлечениях, и о супружеской жизни, и о многом ином.

Вообще-то это хорошее нам всем напоминание, насколько зависим мы от этой самой пищи. Какими бы духовными мы себя ни считали, а желудок определяет наше поведение и самочувствие куда сильнее, чем нам кажется – вот одна из простых истин, которым учит нас пост.

Но купчиха вместе со всеми нами, похоже, забыла еще кое о чем важном. Посты существовали еще задолго до христианства, и христиане с самого начала к ним прибегали, следуя словам Спасителя «придут дни, когда отнимется у них Жених, и тогда будут поститься» (Матфей 9:15). Тогда постившиеся просто ничего не ели, как правило, в течение одного дня. Но вот эта идея постного стола с брюквой и груздями – она как раз появилась позднее. Об этом около ста лет назад [рассказал священномученик Иларион \(Троицкий\)](#), и затем, уже ближе к нашему времени, [напомнил о. Александр Шмеман](#). Но их голоса, что удивительно, остались практически не услышанными: мы со всеми своими рассуждениями зачастую оказываемся ближе к той купчихе, нежели к ним.

Церковь первых веков знала тот же пост, что мы встречаем и в Ветхом Завете: полное воздержание от пищи. В этом смысле пост у мусульман, когда верующие вообще ничего не едят и не пьют в течение всего светлого времени суток, по форме гораздо ближе к тому самому древнему посту. Кроме того, христианский пост был по природе своей евхаристическим, т. е. верующие воздерживались от еды и питья во время той самой разлуки с Женихом, о которой говорил Христос. Встреча с ним, которая происходила на Евхаристии, и была завершением постного дня.

Как напоминает нам о. Александр, «являясь таинством присутствия Христа, Евхаристия – это пир Церкви, и более того, Евхаристия – это Церковь на Пире и, следовательно, мера и значение всех пиров». Если устав предписывает совершать Великим постом литургию Преждеосвященных даров вечером (чего сегодня практически нигде не делают), это и означает пост с самого утра и до литургии, но уже никак не после нее. Поэтому в большие праздники литургию в древности совершали ранним утром, после всенощного бдения (которое действительно было ночным), а в меньшие праздники – поздним утром, создавая тем самым более продолжитель-

ное время для «предвкушения пира», т. е. поста. А в постные дни, соответственно, богослужение совершается вечером, и предвкушение получается самым долгим.

Именно по этой причине служба в воскресные дни Великого поста так похожа на рядовые воскресенья: воскресный день просто не был в древности постным. А вот в Великую Субботу литургия служится по уставу после вечерни, т. е. вечером – к сожалению, в нашей практике уже давно всё сместилось.

Однако никто из нас не ходит на литургию каждый день, и даже каждую неделю ходят далеко не все. Поэтому нет ничего удивительного в том, что тесная связь между постом и евхаристией достаточно оказалась нарушенной: христианам надо было как-то поститься, значит, пришлось изобретать правила поста, не зависящие от Евхаристии напрямую. Пост становился подготовкой не к вечернему богослужению, а к празднику, который наступал еще через несколько недель...

Так возникли правила многодневных постов. В древности уставы были куда более разнообразны, нежели теперь, но общий принцип был понятен: люди отказывались от пищи самой дорогой, самой вкусной и самой плотной – прежде всего, конечно, от мяса. В результате, как пишет св. Иларион, «с течением времени понятие о посте было, так сказать, подменено понятием постного», причем, что поразительно, первыми произвели эту замену еретики-монтанисты, которые ввели у себя многодневные посты с сухоядением (отказом от любой приготовленной пищи).

Это, конечно, совсем никак не означает, что нынешние правила поста с отказом от мясного и молочного, а при строгом посте и от рыбного, чем-то плохи и должны быть заменены на другие. Вовсе нет. Даже если изначально какая-то деталь церковной жизни была изобретена вовсе не святыми отцами, но отцы ее приняли и сделали своей, нас это не должно смущать. Но этот исторический экскурс показывает, что правила эти вовсе не абсолютны, что они зависят от конкретно-исторической ситуации и в принципе могут быть и пересмотрены.

Поэтому нет ничего удивительного или скандального в том, что покойный Патриарх Сербский Павле, сам человек святой и аскетичной жизни, [выступал за существенное смягчение](#) правил поста для мирян. Собственно, в этом нет никакого новшества – он всего лишь предложил вернуться к тому многообразию постных практик, которое мы встречаем в истории Церкви.

Но самое главное, что разговор на тему «что есть, а чего не есть», он вообще тут второстепенный. И не потому только, что смысл поста вовсе не в гастрономии – это, конечно, так, но мы слишком легко это повторяем, слишком легко представляем себя такими титанами духа, которым нет никакой разницы: что сочная котлета, что сухая корочка. Один-два дня, может быть, и нет, а за сорок дней очень хорошо эта разница ощущается, так что разговор о конкретном меню будет совсем не лишним.

И все-таки первичный смысл поста – молитвенный, литургический, евхаристический. Сегодня вполне обыденна ситуация, когда в пост человек выбирает себе особое меню, ходит на некоторые церковные службы, молится дома – словом, создает себе сам или по согласию с духовником некий индивидуальный ритм духовной жизни. Но из такого поста полностью уходит общинная, евхаристическая направленность, о которой [так много и горячо писал о. А. Шмеман](#). Ведь пост – это не просто упражнение в личном благочестии, но дорога к Пасхе, главному для Церкви событию года и всей нашей жизни. А мы вместо попытки пройти этот путь, по слову о. Александра, «удовлетворяемся великопостным символизмом». И жареными грездями с печеной брюквой, конечно.

Дело, опять-таки, не в том, чтобы отходить на все богослужения, вычитать все молитвы. Такое действие тоже может быть формальным и бессмысленным, как показал в рассказе [«Мирное житие»](#) А. Куприн. И тогда слова Триоди «постимся постом приятным, угодным Господу» перестают пониматься в том духе, что наш пост должен быть угоден, приятен Господу

– нет, приятности ищем для себя самих. Для кого грузди вкусны, для кого молитвы сладкозвучны, а кому и похудеть пора, оздоровиться, духовность, опять же, «подкачать»...

Пост совсем не про это. А про что он – я лучше Шмемана всё равно не скажу. Тем более, что тут никого уговорить не удастся, подлинный его смысл каждый может открыть только для себя, в свете грядущей радости Христова Воскресения.

7. Пост в купальный сезон

Вот и закончился Петров пост, можно подводить его итоги. Но я сейчас не о духовных вопросах, а скорее об очень земных, практических. На какой бы день ни приходилось начало этого поста, но завершается он всегда в один и тот же сезон: купально-отпускной. Православная общественность (в основном, дамская) в очередной раз уточняет степень православности своего внешнего вида: можно ли ей пользоваться обычными купальниками, или требуются какие-то особые, и если особые, то какой именно длины, и не слишком ли тогда эти купальники будут походить на мусульманские? Тут же, конечно, всплывает тема юбок и платков...

Людям свойственно беспокоиться о том, как они выглядят, встречают-то нас действительно по одежке. Но есть и еще одна православная подробность, о которой как-то не принято говорить вслух: а как нам поститься в отпуске?

Это, на самом деле, совсем нетрудно, особенно Петровым постом. На адриатическом берегу Черногории, где я пишу эти строки, полным-полно фруктов, в любом кафе можно заказать на обед рыбу или морепродукты. Только цена будет соответствующей: порция постного жареного осьминога стоит в три-четыре раза дороже, чем простое «дежурное блюдо», которое, конечно, включает для сытости мясо. А вино... воздержаться вроде бы нетрудно, но это ведь классика жанра: усыпанное звездами южное небо, шелест прибоя, дружеская беседа на набережной или балконе за стаканом доброго вина.

Народ, конечно, находит выход из положения, записывая себя в «путешествующие». Подходя формально, так оно и есть: мы не дома, так что заниматься готовкой постных блюд слишком хлопотно, а наестся одними фруктами не всякому удастся (да и желудок протестует). Так что есть причины вести себя «по-походному». Но если задуматься, то это ведь тоже не совсем честно: послабления для путешественников были введены в те времена, когда сами путешествия были долгими и непредсказуемыми, а от путников требовалось немалое напряжение физических сил. Да, таким путникам не обойтись было без мяса.

А нам без осьминогов? Тут вот и задумаешься, насколько вообще пост совместим с отпуском, если подходить не формально. Отпуск, по самой своей сути – время отдыха, расслабления, общения. Время праздника. А пост – это ровно наоборот, и перемена меню тут мало что изменяет. В результате носим православные купальники, едим в кафе *frutti di mare*, – и все это стоит дороже, выглядит изысканнее. Возникает, и не только в отпуске, целая субкультура, «православный гламур»: обмен рецептами и фотографиями, реклама соответствующих товаров. Всё по благословению батюшки и рекомендациям журнала «Cosmopolitan».

Конечно, каждый может выбирать себе стиль жизни по вкусу, и я вовсе не хочу осудить тех, кто выбирает такой стиль. Мне он совсем не близок, потому что в христианстве я привык видеть принципиальный отказ от следования духу сего суетного века. Когда сарафаны и косоворотки были одеждой простого народа, их ношение не означало ровным счетом ничего, но сегодня это утонченное стилистическое решение, своего рода вызов толпе, одетой в джинсы и свитера. Хочешь такое носить и питаться в начале июля осьминогами – на здоровье, это красиво и вкусно. Но православие тут, на мой взгляд, не при чем, оно про что-то другое.

Впрочем, и пост не сводится к кулинарным ограничениям, как мы старательно себе напоминаем перед началом каждого поста (и потом все равно 9/10 наших постных усилий сводятся именно к ним). Дома у большинства православных есть привычные храмы и батюшки, а у многих на примете и такие, к которым «ни ногой»... А вот в отпуске – пойдешь ли в незнакомый приход, где свои порядки и обычаи, где еще не известно, как примут? Подойдешь ли на исповедь к священнику, которого видишь в первый раз в жизни, да еще если он говорит на ином языке? Вот такая ситуация и позволяет нам понять, чего именно мы ждем от богослужения, насколько оно нам вообще необходимо.

Наверняка непросто и тем священникам и прихожанам, которые служат в курортных местах: как принять всех этих чужаков со своими привычками и ожиданиями? Но в их положении я никогда не был, так что сказать про него ничего не могу. Только отмечу, что одно из самых ярких и светлых впечатлений от Черногории – это неожиданной теплый, даже, можно сказать, горячий прием, который мы встретили в первой попавшейся церквушке. Может быть, дело еще и в том, что мы были «руси, братски народ» – но наверняка не всё тут определялось национальностью. В такие моменты действительно начинаешь понимать те высокие слова о Церкви и Царствии, которые мы так легко произносим, но которые, увы, далеко не всегда находят соответствие в прозе нашей жизни.

Служба, которая велась одновременно и на сербском, и на церковнославянском языке (и никто не смущался!), в каких-то деталях отличалась от нашей, равно как и убранство храма. Например, в сербской церкви сразу бросится в глаза национальный флаг на видном месте, а после исповеди тебе предложат поцеловать крест и епитрахиль (вместо наших креста и Евангелия). С одной стороны, эти различия только подчеркивают единство в главном, а с другой – заставляют задуматься о смыслах, которые несут в себе все эти символы.

Может ли отпускная поездка оказаться духовным путешествием, если мы не отправляемся в паломничество к святыням, а банально едем загорать и купаться? Может, безо всякого сомнения, и далеко не только в пост. Мы вырываемся из привычной обстановки, и тут самое время понять для себя самих: в чем именно заключается наше христианство? Все эти бесконечные частные вопросы: какой купальник надеть, что заказать в кафе, куда пойти в праздничный день, – они ведь отражают какие-то главные ценности на практическом, повседневном уровне. Что есть наше христианство, как высокие идеи сочетаются с бытовыми подробностями, и как нам сохранить одно и не утратить другое – это наш вечный вопрос, и кто сказал, что в отпуске он теряет свою значимость?

Освободившись от повседневной рутины, как раз и находишь время и силы всерьез задуматься о самом важном. Пост, как и отпуск – самое время для этого.

8. Вопросы не о богослужебном языке

В 2011 году Патриарх пригласил на Страстную и на Пасху в Москву делегацию молодых христиан из Европы, их принимал в том числе и наш приход. В самом деле, трудно найти другой способ всего за несколько дней показать человеку глубину, красоту и мощь русского Православия. Да мы и сами сознаем: много у нас всяких неурядиц, но когда подходит Страстная и мы собираемся в храмах, вспоминая спасительные страдания, когда готовимся встретить Воскресение – тут высшая точка нашего христианства, и собирает нас, конечно, богослужение.

Впрочем, и в другие дни обычным ответом на любые вопрошания часто становится «неукоснительное посещение богослужений». Что вообще должен делать в жизни христианин, чем отличается он от других людей? Тем, что ходит в храм, постится и молится дома. Как поступить в сложной ситуации, как найти верный выход? Сходить в храм, поститься и молиться. А что делать, если само богослужение бывает для кого-то непонятным и утомительным? Ну, надо чаще (вы уже поняли!) ходить в храм, и дома тоже поститься и молиться. В самом деле, все остальные вещи спорны и неоднозначны, а тут заранее известно, что и как происходит, устав всё предписывает, а мы следуем ему и всё понимаем. Или не очень следуем... и не очень понимаем?

Об этом невольно начинаешь задумываться как раз на великолепных службах Страстной. Мы с одиннадцатилетним сыном зашли на службу Двенадцати Евангелий в ближайшую к дому и потому непривычную церковь (да, у жителей мегаполиса часто выходит именно так, свой храм далеко, а соседний – он случайный). Священник размеренно читал нараспев, ему отвечал хор, но акустика была не очень хорошей. «Столп злобы Богопротивныя Божественнии отроцы обличиша; на Христе же шатающееся беззаконных соборище советует тщетная, убити поучается живот Держащаго дланию»... из всего этого ухо выхватывало только отдельные слова, они звучали торжественно и создавали торжественное настроение. Сын торжественность оценил... но получаса ему вполне хватило. И даже если бы исполнялось это чтение артистом Малого театра в идеальных условиях, скажем честно – кто из взрослых, не говоря уже о детях, поймет на слух подобные фразы? И даже если придет в храм двадцать раз подряд – заучит эти слова наизусть раньше, нежели расшифрует их значение. Одна знакомая гречанка сказала мне, что греческий оригинал тут понимается гораздо легче, чем буквальный и тяжеловесный славянский перевод. В славянском, например, нет артиклей, которые в греческом помогают понять, что с чем согласовано и к чему относится.

Вот и опять, подумает читатель, завожу я речь о переводе богослужения на современный русский язык. На самом деле, [я об этом уже писал](#) полтора десятилетия назад, и к сказанному тогда мне нечего добавить сегодня, разве что ссылки и примеры можно было бы привести посвежее. Но речь в таких разговорах на самом деле идет не совсем о богослужебном языке, или даже совсем не о нем. И без споров ясно, что церковнославянский понятен нашим современникам лишь отчасти и что в идеале всякий молящийся должен ясно понимать смысл молитвы, а не просто произносить благочестивые звуко сочетания, и что поголовной ликвидации славянской неграмотности не случилось за первые двадцать лет церковной свободы и вряд ли стоит ожидать ее в ближайшем будущем. С другой стороны, реформы дело тонкое, и может выйти только хуже – это тоже ясно.

Но споры о богослужебном языке ведутся так упорно и горячо как раз потому, что речь идет здесь скорее о месте Церкви в нашем обществе и в этом мире, о ее смысле и назначении здесь и сейчас, применительно лично к нам. Правильные ответы можно найти в катехизисах, но они будут слишком общими и мало помогут. Может быть, отчасти потому, что сами вопросы обычно не проговариваются вслух?

Я постараюсь сейчас сформулировать некоторые из тех вопросы, которые мы, на самом деле, обсуждаем, говоря о языке богослужения. Ответов на них у меня нет, и я уверен, что дать простой и однозначный ответ на любой из них сейчас было бы просто невозможно: слишком разными бывают люди и ситуации. Рассуждать об идеалах, конечно, можно до бесконечности, и зачастую подобные разговоры и сводятся к перечислению абстрактно правильных формулировок. Но в этом не видно большого смысла. А вот если вернуться к российским реалиям начала XXI века, вопросы я бы задал такие:

1. Чем мы вообще руководствуемся в своей богослужебной практике? Наступает пост, достается с полки Триодь... и вот мы служим вечером утреню, утром вечерню (в том числе и литургию преждеосвященных), а часы либо не служим вообще, либо «приклеиваем» их все разом к той самой утренней вечерне. Это что угодно, но это не устав, и даже не сокращение его, а какая-то серьезная адаптация. Но насколько можно, насколько нужно перерабатывать устав? И насколько железобетонным и нерушимым является этот нынешний порядок, который мы привычно называем словом «обиход»? И, соответственно, кто и как вправе всё это менять, и ради каких целей?

Я был один раз в монастыре, где служили действительно по уставу, семь раз в день: утреня утром, часы в положенные часы, литургия, вечерня, полунощница... монахам до церкви было не больше пяти минут ходу, и это действительно была жизнь, наполненная молитвой. Но каждая служба при этом была совсем не длинной и не утомительной, и вполне уставной – по бенедиктинскому уставу. Это была обитель Св. Мартина в Лигюже, во Франции. Понятно, что в приходских церквях и во Франции никто не служит семь раз в день, и вообще горожане даже единожды в день до храма не всегда добираются. Вот и возникает желание отслужить разом всё, что положено, «залпом». А прихожане уж на что попадут, уж сколько выстоят, столько им и достаточно. И, соответственно, что сумеют понять, то и поймут, и хватит с них.

2. Но тогда для кого сберегается всё это богатство византийской гимнографии? Когда писались наши прекрасные каноны, тропари и стихиры, большинство населения было неграмотным, книги были редки и дороги. Для простого человека была одна возможность ликвидировать свою богословскую безграмотность: прийти на службу и выслушать, что читается и поется. Именно поэтому многие ключевые песнопения повторяются по два или три раза, в них постоянно раскрываются одни и те же догматы веры. Но сегодня всё поменялось: богослужение понимается плохо, и прихожанам советуют... наоборот, прочитать сначала дома текст службы, желательно с переводом и комментарием, чтобы его понимать. И на службах Страстной всё больше в храмах людей, которые следят за службой по книжке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.